

1001 ночь.

Повесть о любящем и любимом

[Повесть о любящем и любимом, ночи 110-118](#)

[Повесть о любящем и любимом, ночи 119-128](#)

Однажды Тадж-аль-Мулук поехал со свитой на охоту и ловлю. И они ехали пустыней и непрерывно подвигались четыре дня, пока не приблизились к земле, покрытой зеленью, и увидели они там резвящихся зверей, деревья со спелыми плодами и полноводные ручьи. И Тадж-аль-Мулук сказал своим приближенным: "Поставьте здесь сети и растяните их широким кругом, а встреча будет у начала круга, в таком-то месте". И его приказанию последовали и, расставив сети, растянули их широким кругом, и в круг собралось множество разных зверей и газелей, и звери кричали, ревели и бегали перед конями.

И тогда на них пустили собак, барсов и соколов. И стали бить зверей стрелами, попадая в смертельные места. И еще не дошли до конца загона, как было захвачено много зверей, а остальные убежали.

А после этого Тадж-аль-Мулук спешился у воды и приказал принести дичь и разделил ее, отобрав для своего отца Сулейман-шаха наилучших зверей, отослал их ему, а часть он раздал своим вельможам.

И он провел ночь в этом месте, а когда наступило утро, к ним подошел большой караван, где были рабы и слуги и купцы. И этот караван остановился у воды и зелени. И, увидев путников, Тадж-аль-Мулук сказал одному из своих приближенных: "Принеси мне сведения об этих людях и спроси их, почему они остановились в этом месте". И гонец отправился к ним и сказал: "Расскажите нам, кто вы, и поторопитесь дать ответ". И они отвечали: "Мы купцы и остановились здесь для отдыха, так как место нашего привала далеко от нас, и мы расположились здесь, доверяя царю Сулейман-шаху и его сыну. Мы знаем, что всякий, кто остановился близ его владений, в безопасности и может не опасаться. С нами дорогие материи, которые мы привезли для его сына Тадж-аль-Мулука".

И посланный вернулся к царевичу и осведомил его, в чем дело, и передал ему то, что слышал от купцов. А царевич сказал ему: "Если с ними есть что-нибудь, что они привезли для меня, то я не вступлю в город и не двинусь отсюда, пока не осмотрю этого!"

И он сел на коня и поехал, и невольники его поехали за ним, и когда он приблизился к каравану, купцы поднялись перед ним и пожелали ему победы и успеха я вечной славы и превосходства. А ему уже разбили палатку из красного атласа, расшитую жемчугом и драгоценными камнями. И поставили ему царское сиденье на шелковом ковре, вышитом посредине изумрудами. И Тадж-аль-Мулук сел, а рабы встали перед ним. И он послал к купцам и велел им принести все, что у них есть, и они пришли со своими товарами. Тадж-аль-Мулук осмотрел все, и выбрал то, что ему подходило, и заплатил им деньги сполна. А затем он сел на коня и хотел уехать, но его взор упал на караван, и он увидел юношу, прекрасного молодостью, в чистых одеждах, с изящными чертами, и у него был блестящий лоб и лицо, как месяц, но только красота этого юноши поблекла и его лицо покрыла бледность из-за разлуки с любимыми..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто одиннадцатая ночь

Когда же настала сто одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что взор Тадж-аль-Мулука упал на караван. И он увидел юношу, прекрасного молодостью, в чистых одеждах, с изящными чертами, но только красота этого юноши поблекла, и лицо его покрыла бледность из-за разлуки с любимыми, и умножились его стоны и рыдания, и из глаз его текли слезы, и он говорил такие стихи:

"В разлуке давно уж мы, и длятся тоска и страх,

И слезы из глаз моих, о друг мой, струей текут.

И с сердцем простился я, когда мы расстались с ней,

И вот я один теперь, – надежд нет и сердца нет.

О други, постойте же и дайте проститься с той,

Чья речь исцеляет вмиг болезни и недуги".

И когда юноша окончил свои стихи, он еще немного поплакал и лишился чувств; и Тадж-аль-Мулук смотрел на него, изумляясь этому. А придя в себя, юноша бросил бесстрашный взор и произнес такие стихи:

"Страшитесь очей ее – волшебна ведь сила их,

И тем не спастись уже, кто стрелами глаз сражен.

Поистине, черный глаз, хоть смотрит и томно он,

Мечи рубит белые, хоть остры их лезвия.

Не будьте обмануты речей ее нежностью

Поистине, пылкость их умы опьяняет нам.

О нежная членами! Коснись ее тела шелк,

Он кровью покрылся бы, как можешь ты видеть сам,

Далеко от ног ее в браслетах до нежных плеч.

И как запах мускуса сравнить с ее запахом?"

И затем он издал вопль и лишился чувств, и Таджаль-Мулук, увидя, что он в таком отчаянии, растерялся и подошел к нему, а юноша, очнувшись от обморока и увидав, что царевич стоит над ним, поднялся на ноги и поцеловал перед ним землю.

"Почему ты не показал нам своих товаров?" – спросил его Тадж-аль-Мулук; и юноша сказал: "О владыка, в моих товарах нет ничего подходящего для твоего счастливого величества". Но царевич воскликнул: "Обязательно покажи мне, какие есть у тебя товары, и расскажи мне, что с тобою. Я вижу, что глаза твои плачут и ты печален сердцем; и если ты обижен, мы уничтожим эту несправедливость, а если на тебе лежат долги, мы заплатим их. Поистине, мое сердце из-за тебя сгорело, когда я увидел тебя".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Потом Тадж-аль-Мулук велел поставить две скамеечки; и ему поставили скамеечку из слоновой кости, оплетенную золотом и шелком, и постлали шелковый ковер. И Тадж-аль-Мулук сел на скамейку, а юноше велел сесть на ковер и сказал ему: "Покажи мне твои товары". – "О владыка, – отвечал юноша, – не напоминай мне об этом: мои товары для тебя не подходят". Но Тадж-аль-Мулук воскликнул: "Это неизбежно". И он велел кому-то из своих слуг принести товары, и их принесли, против воли юноши, и при виде их у юноши потекли слезы, и он заплакал, застонал и стал жаловаться, и, испуская глубокие вздохи, произнес такие стихи:

"Клянусь твоих глаз игрой, сурьюю клянусь на них,

И станом твоим клянусь, что нежен и гибок так,

Вином твоих уст клянусь и сладостью меда их

И нравом твоим клянусь, что нежен и гибок так,

Коль призрак твой явится мне ночью, мечта моя,

Он слаще мне, чем покой от страха дрожащему".

Потом юноша развернул товары и стал их показывать Тадж-аль-Мулуку кусок за куском и отрез за отрезом, и среди прочего он вынул одежду из атласа, шитую золотом, которая стоила две тысячи динаров. И когда он развернул эту одежду, из нее выпал лоскут, и юноша поспешно схватил его и положил себе под бедро. И он забыл все познаваемое и произнес такие стихи:

"Когда исцеленье дашь душе ты измученной

Поистине, мир Плеяд мне ближе любви твоей!

Разлука, тоска и страсть, любовь и томленье,

Отсрочки, оттяжки вновь – от этого гибнет жизнь.

Любовь не живит меня, в разлуке мне смерти нет,

Вдали – не далеко я, не близок и ты ко мне,

Ты чужд справедливости, и нет в тебе милости,

Не дашь ты мне помощи – бежать же мне некуда.

В любви к вам дороги все мне тесными сделались,

И ныне не знаю я, куда мне направиться".

И Тадж-аль-Мулук крайне удивился стихам, сказанным юношей, и не знал он причины всего этого. А когда юноша взял лоскут и положил его под бедро, Тадж-аль-Мулук спросил его: "Что это за лоскут?" – "О владыка, – сказал юноша, – я отказывался показать тебе мои товары только из-за этого лоскута: я не могу дать тебе посмотреть на него..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двенадцатая ночь

Когда же настала сто двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал Тадж-аль-Мулуку: "Я отказывался показать тебе свои товары только из-за этого лоскута: я не могу дать тебе посмотреть на него". Но Тадж-аль-Мулук воскликнул: "Я непременно на него посмотрю!" И стал настаивать и разгневался. И юноша вынул лоскут из-под бедра и заплакал и застонал и стал жаловаться, и, испуская многие стенания, произнес такие стихи:

"Не надо корить его – от брани страдает он.

Я правду одну сказал, но слушать не хочет он.

Аллаху вручаю я в долине луну мою

Из стана; застеек свод – вот место восхода ей.

Простился с ней, но лучше б с жизнью простился я,

А с ней не прощался бы – так было б приятней мне.

Как часто в разлуки день рассвет защищал меня,

И слезы мои лились, и слезы лились ее.

Аллахом клянусь, не лгу. В разлуке разорван был

Покров оправдания, но я зачиню его.

И телу покоя нет на ложе, и также ей

Покоя на ложе нет с тех пор, как расстались мы.

Во вред нам трудился рок рукою злосчастною,

Он счастья меня лишил, и не дал он счастья ей.

Заботу без примеси лил рок, наполняя нам

Свой кубок; и пил я то, что выпить и ей пришлось".

А когда он окончил свои стихи, Тадж-аль-Мулук сказал ему: "Я вижу твое тяжелое состояние. Расскажи мне, отчего ты плачешь при взгляде на этот лоскут?" И, услышав упоминание о лоскуте, юноша вздохнул и сказал: "О владыка, моя история диковинна, и у меня случилось чудесное дело с этим лоскутом и его владелицей и той, что нарисовала эти рисунки и изображения". И он развернул тот лоскут, и вдруг на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

нем оказалось изображение газели, вышитое шелком и украшенное червонным золотом, а напротив нее – изображение другой газели, которое было вышито серебром, и на шее у нее было ожерелье из червонного золота и три продолговатых выдолбленных топаза.

И, увидев это изображение и как оно хорошо исполнено, Тадж-аль-Мулук воскликнул: "Да будет превознесен Аллах, научивший человека тому, чего он не знал!" И к сердцу его привязалось желание услышать историю этого юноши. "Расскажи мне, что у тебя случилось с обладательницей этой газели", – попросил он его, и юноша начал:

"Знай, о владыка, что мой отец был купцом и не имел ребенка, кроме меня. А у меня была двоюродная сестра, с которой я воспитывался в доме моего отца, так как ее отец умер. И перед смертью он условился с моим отцом женить меня на ней; и когда я достиг зрелости мужчин, а она зрелости женщин, ее не отделили от меня, и меня не отделили от нее. А потом отец поговорил с матерью и сказал: "В этом году мы напишем запись Азиза и Азизы"; и он сговорился с нею об этом деле и начал готовить припасы для свадебных пиршеств. И при всем том мы с моей двоюродной сестрой спали в одной постели и не знали, как обстоит дело, она была более рассудительна, Знающа и сведуща, чем я.

И тогда мой отец собрал все необходимое для торжества, и осталось только написать брачную запись и войти к моей двоюродной сестре; он захотел написать запись после пятничной молитвы и отправился к своим друзьям из купцов и другим и уведомил их об этом, а моя мать пошла и пригласила своих подруг-женщин и позвала родственников. И когда пришел день пятницы, комнату, где должны были сидеть, помыли и вымыли в ней мраморный пол, и в нашем доме разостлали ковры и поставили там все, что было нужно, завесив сначала стены тканью, вышитой золотом; и люди сговорились прийти к нам в дом после пятничной молитвы, и мой отец пошел и приготовил халву и блюда со сладостями, и осталось только написать запись.

А мать послала меня в баню и послала за мной новое платье из роскошнейших одежд; и, выйдя из бани, я надел это роскошное платье, а оно было надушено, и когда я надел его, от него повеяло благовонным ароматом, распространившимся по дороге. Я хотел пойти в мечеть, но вспомнил об одном моем товарище и вернулся поискать его, чтобы он пришел, когда будут делать запись, и я говорил себе: "Займусь этим делом, пока подойдет время молитвы".

И я вошел в переулочек, в который я еще никогда не входил; а я был потный после бани из-за новой одежды, бывшей на мне, и пот тек, и от меня веяло благоуханием. Я сел в начале переулочка отдохнуть и разостлал под собою платок с каемкой, который был у меня, и мне стало очень жарко, и мой лоб вспотел, и пот лился мне на лицо, но я не мог обтереть его с лица платком, так как платок был разостлан подо мной.

Я хотел взять фарджию и обтереть ею щеку, но вдруг, не знаю откуда, упал на меня сверху белый платок. А этот платок был нежнее ветерка, и вид его был приятней исцеления для больного, и я схватил его рукой и поднял голову кверху, чтобы посмотреть, откуда упал этот платок. И глаза мои встретились с глазами обладательницы этой газели..."

И Шахразаду застигло, утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тринадцатая ночь

Когда же настала сто тринадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "И я поднял голову кверху, чтобы посмотреть, откуда этот платок, и глаза мои встретились с глазами обладательницы этой газели. И вдруг, я вижу, высунулась она из окна с медной решеткой, и мои глаза не видали ничего прекраснее ее, и, в общем, мой язык бессилен ее описать. И, увидев, что я взглянул на нее, она положила палец в рот, а затем взяла свой средний палец и приложила его вплотную к указательному пальцу и оба пальца прижала к своему телу, между грудями, а затем она убрала голову из окна, закрыла створку окошка и ушла. И в моем сердце вспыхнул огонь, и разгорелось великое пламя, и взгляд на нее оставил после себя тысячу вздохов, и я в растерянности не слышал, что она сказала, и не понял, какие она делала знаки.

И я взглянул на окошко во второй раз, но увидел, что оно захлопнуто, и прождал до захода солнца, но не услышал ни звука и не увидел никого. И, отчаявшись увидеть ее, я встал с места и захватил платок, и когда я развернул его, от него повеяло запахом мускуса, и меня охватил от этого запаха великий восторг, так что я стал как будто в раю. А затем я расстелил платок перед собою, и оттуда выпал тонкий листок бумаги, и когда я развернул листок, оказалось, что он пропитан благовонным ароматом и на нем написаны такие стихи:

Послал я письмо к нему, на страсть его сетуя,

И почерк мой тонок был, – а почерков много.

Спросил он: "Мой друг, скажи, твой почерк – что случилось с ним?"

Так нежен и тонок он, едва его видно".

Я молвил: "Затем, что сам и тонок и худ я стал:

Таким-то вот почерком влюбленные пишут".

Прочитав эти стихи, я устремил взор очей на красоту платка и увидел на одной из его каемок вышитые строчки такого двустушия:

Написал пушок – о, как славен он среди писцов других

На щеках его пару тонких строк рейханом [177]

"О, смущение для обеих лун, коль он явится!

А согнется он – о, позор ветвям смущенным!"

А на другой каемке были вышиты строки такого двустушия:

Написал пушок темной амброю на жемчужине

Пару тонких строк, как на яблоке агатом:

"Убивают нас зрачки томные, лишь взглянут на нас,

Опьяняют нас щеки нежные, не вино".

И когда я увидел, какие были на платке стихи, в моем сердце вспыхнуло пламя огня и увеличились мои страсть и раздумье. И я взял платок и бумажку и принес их домой, не зная хитрости, чтобы соединиться с нею, и не мог я, в любви, говорить о подробностях.

Я добрался до дому только тогда, когда прошла часть ночи, и увидел, что дочь моего дяди сидит и плачет; и, увидав меня, она вытерла слезы и подошла ко мне и сняла с меня одежду и спросила, отчего меня не было. И она рассказала мне: "Все люди (эмиры, вельможи, купцы и другие) собрались в нашем доме, и явились судьи и свидетели, и они съели кушанья и просидели немного, ожидая твоего прихода, чтобы написать брачную запись, а когда они отчаялись, что ты придешь, то разошлись и ушли своей дорогой. Твой отец, –

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

говорила она, – сильно рассердился, из-за этого и поклялся, что он напишет запись только в будущем году, так как он истратил на это торжество много денег. А что было с тобой сегодня, что ты задержался до этого времени и случилось то, что случилось из-за твоего отсутствия?" – спросила она потом. И я ответил: "О дочь моего дяди, не спрашивай, что со мной случилось!" – и рассказал ей про платок и все сообщил ей с начала до конца. И она взяла бумажку и платок и прочитала, что было на них написано, и слезы потекли по ее щекам, и она произнесла такие стихи:

Коль скажет кто: "Свободна страсть вначале",

Ответь: "Ты лжешь: все в страсти – принужденье,

А принужденье не несет позора".

И это верно, – так гласят преданья,

Что не подделаны, коль разобрать их.

Захочешь, скажешь: сладостная пытка,

Иль боль внутри, иль сильные побои,

Иль месть, иль счастье, или вожделенье,

Что души услаждает или губит,

Я спутался в противопоставленьях.

А вместе с тем пора любви – как праздник,

Когда уста ее смеются вечно,

И веянье духов ее отменно.

Любовь прогонит все, что нас испортит,

В сердца холопов низких не вселится".

Потом она спросила: "Что же она сказала тебе и какие сделала знаки?" И я отвечал: "Она не произнесла ничего, а только положила палец в рот и потом приложила к нему средний палец и прижала оба пальца к груди и показала на землю, а затем она убрала голову из окна и заперла окно. И после этого я ее не видел, но она взяла с собою мое сердце, и я просидел, пока не скрылось солнце, ожидая, что она выглянет из окна второй раз, но она этого не сделала, и, отчаявшись, я ушел из того места и пришел домой. Вот моя повесть, и я хочу от тебя, чтобы ты мне помогла в моем испытании".

И Азиза подняла голову и сказала: "О сын моего дяди, если бы ты потребовал мой глаз, я бы, право, вырвала его для тебя из века. Я непременно помогу тебе в твоей нужде, и ей помогу в ее нужде: она в тебя влюблена так, как и ты влюблен в нее". – "А как истолковать ее знаки?" – спросил я; и Азиза ответила: "То, что она положила палец в рот, указывает, что ты у нее на таком же месте, как душа в ее теле, и что она вопьется в близость к тебе зубами мудрости. Платок указывает на привет от любящих возлюбленным; бумажка обозначает, что душа ее привязалась к тебе, а прижатие двух пальцев к телу между грудями значит, что она говорит тебе: через два дня приходи сюда, чтобы от твоего появления прекратилась моя забота. И знай, о сын моего дяди, что она тебя любит и доверяет тебе, и вот какое у меня толкование ее знакам, а если бы я могла выходить и входить, я бы, наверное, свела тебя с нею в скорейшем времени и накрыла бы вас своим подолом".

И, услышав это от Азизы, – говорил юноша, – я поблагодарил ее за ее слова и сказал себе: "Потерплю два дня". И я просидел два дня дома, не выходя и не входя, и не ел и не пил, и я положил голову на колени моей двоюродной сестры, а она утешала меня и говорила: "Укрепи свою решимость и отвагу, успокой сердце и ум..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто четырнадцатая ночь

Когда же настала сто четырнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "А когда эти два дня окончились, дочь моего дяди сказала мне: "Успокой свою душу и прохлади глаза! Укрепи свою решимость, надень платье и отправляйся к ней, как назначено".

Потом она поднялась, дала мне переодеться и окурила меня, а затем она укрепила во мне силу и ободрила мне сердце, и я вышел, и шел, пока не вошел в тот переулок. Я посидел немного на лавочке, и вдруг окно распахнулось, и я своими глазами увидел ту женщину. И тут я обмер, а очнувшись, я укрепил свою волю и ободрился сердцем и взглянул на нее второй раз, но исчез из мира; а придя в себя, я увидел, что женщина держит в руке зеркало и красный платок. И, увидев меня, она засучила рукава и, раздвинув свои пять пальцев, ударила себя по груди ладонью и пятью пальцами, а затем она подняла руки и выставила зеркало из окна, после чего она взяла красный платок и ушла с ним, а вернувшись, три раза опустила его из окна в переулок, опуская и поднимая его, и потом скрутила платок и свернула его рукою и наклонила голову. А затем она убрала голову из окна и заперла окно, и ушла, не сказав мне ни единого слова; напротив, она оставила меня растерянным, и я не знал, какие она делала знаки.

Я просидел до вечерней поры, а потом пришел домой, около полуночи, и я увидел, что дочь моего дяди положила щеку на руку и глаза ее льют слезы, и она говорила такие стихи:

"Что за дело мне, что хулители за тебя бранят!

Как утешиться, если строен ты, как ветвь тонкая?

О видение, что украдо душу и скрылся!

Для любви узритской [178] спасенья нет от красавицы.

Как турчанки очи – глаза ее, и разят они

Сердца любящих, как не рубит меч с острым лезвием.

Ты носить меня заставляешь бремя любви к тебе,

Но рубашку я уж носить не в силах, – так слаб я стал.

И я плакал кровью, слова услышав хулителей:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Из очей того, кого любишь ты, тебе меч грозит".

Если б сердцем был я таков, как ты! Только телом я

На твой стан похож – оно сгублено изнурением.

О эмир! Суров красоты надсмотрщик – глаза твоя,

И привратник – бровь – справедливости не желает знать,

Лгут сказавшие, что красоты все Юсуф взял себе,

Сколько Юсуфов в красоте твоей заключается!

И стараюсь я от тебя уйти, опасаясь глаз

Соглядатаев, во доколе мне принуждать себя?"

И когда я услышал ее стихи, мои заботы увеличились, и умножились мои горести, и я упал в углу комнаты, а Азиза встала и перенесла меня, а потом она сняла с меня одежду и вытерла мое лицо рукавом и спросила меня, что со мной случилось.

И я рассказал ей обо всем, что испытал от той женщины, и она сказала: "О сын моего дяди, изъяснение знака ладонью и пальцами таково: приходи через пять дней; а ее знак зеркалом и опусканием и поднятием красного платка и то, что она высунула голову из окна, означает: сиди возле лавки красильщика, пока к тебе не придет мой посланный".

И когда я услышал эти слова, в моем сердце загорелся огонь, и я воскликнул: "Клянусь Аллахом, о дочь моего дяди, ты права в этом объяснении! Я видел в переулке красильщика–еврея!"

И я заплакал, а дочь моего дяди сказала мне: "Укрепи свою решимость и будь тверд сердцем; другой охвачен любовью несколько лет и стоек против жара страсти, а ты влюблен только пять дней, так почему же ты так горюешь?"

И она принялась утешать меня речами и принесла мне еду, и я взял кусочек и хотел его съесть, но не мог. И я отказался от питья и еды и расстался со сладостью сна, и мое лицо пожелтело, и красоты мой изменились, так как я прежде не любил и вкушал жар любви только в первый раз. И я ослаб, и дочь моего дяди ослабла изза меня, и она рассказывала мне о состоянии влюбленных и любящих, чтобы меня утешить, каждую ночь, пока я не засну, а просыпаясь, я находил ее не спящей из-за меня, и слезы бежали у нее по щекам.

И я жил так, пока не прошли эти пять дней, и тогда дочь моего дяди нагрела мне воды и выкупала меня, и надела на меня одежду, и сказала: "Отправляйся к ней. Да исполнит Аллах твою нужду и да приведет тебя к тому, чего ты хочешь от твоей любимой!"

И я пошел, и шел до тех пор, пока не пришел к началу того переулка, а день был субботний, и я увидел, что лавка красильщика заперта. Я просидел подле нее, пока не прокричали призыв к предзакатной молитве; и солнце пожелтело, и призвали к вечерней молитве, и настала ночь, а я не видел ни следа той женщины и не слышал ни звука, ни вести. И я испугался, что сижу один, и поднялся и шел, точно пьяный, пока не пришел домой, а войдя, я увидел, что дочь моего дяди, Азиза, стоит, схватившись одной рукой за колышек, вбитый в стену, а другая рука у нее на груди, и она испускает вздохи и говорит такие стихи:

"Сильна бедуинки страсть, родными покинутой,

По иве томящейся и мирте Аравии!

Увидевши путников, огнями любви она

Костер обеспечит им, слезами бурдюк нальет,

И все ж не сильней любви к тому, кого я люблю,

Но грешной считает он меня за любовь мою".

А окончив стихи, она обернулась и увидела меня, и, вытерев слезы рукавом, улыбнулась мне в лицо и сказала: "О сын моего дяди, да обратит Аллах тебе на пользу то, что он даровал тебе! Почему ты не провел ночь подле твоей любимой и не удовлетворил твое желание с нею?" А я, услышав ее слова, толкнул ее ногою в грудь, и она упала на стену и ударила лбом о косяк, а там был колышек, и он попал ей в лоб. И, посмотрев на нее, я увидел, что ее лоб рассечен и течет кровь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятнадцатая ночь

Когда же настала сто пятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "Когда я ударил дочь моего дяди в грудь ногою, она наткнулась на косяк, и колышек попал ей в лицо, и она раскроила себе лоб, и потекла кровь. И она промолчала и не сказала ни слова, но тотчас же встала и, оторвав лоскуток, заткнула им рану, повязала ее повязкою и вытерла кровь, лившуюся на ковер, как ни в чем не бывало, а потом она подошла ко мне и улыбнулась мне в лицо и сказала нежным голосом: "Клянусь Аллахом, о сын моего дяди, я говорила это, не смеясь над тобою и над нею! Я мучилась головной болью, и у меня было в мыслях пустить себе кровь, а сейчас моей голове стало легче, и лоб облегчился. Расскажи мне, что с тобою было сегодня".

И я рассказал обо всем, что мне выпало из-за этой женщины, и, рассказавши, заплакал, но Азиза молвила: "О сын моего дяди, радуйся успеху в твоём намерении к осуществлению твоих надежд! Поистине, это знак согласия, и он состоит в том, что она скрылась от тебя, так как желает тебя испытать: стоек ты или нет и правда ли ты любишь ее, или нет. А завтра отправляйся на прежнее место и посмотри, что она тебе укажет; ты близок к радостям, и твои печали прекратились".

И она принялась утешать меня в моем горе, а я все больше огорчался и печалился. А потом она принесла мне еду, но я толкнул поднос ногою, так что все блюда разлетелись по сторонам, и воскликнул: "Все, кто влюблен, – одержимые, и они не склонны к пище и не наслаждаются сном!" Но дочь моего дяди, Азиза, сказала: "Клянусь Аллахом, о сын моего дяди, – это признак любви!" – и у нее потекли слезы. Она подобрала черепки от блюд и остатки кушанья и стала развлекать меня рассказами, а я молил Аллаха, чтобы настало утро. А когда утро наступило и засияло светом и заблестало, я отправился к той женщине и торопливо вошел в переулок и сел на лавочку. И вдруг окошко распахнулось, и она высунула голову из окна, смеясь, а затем она скрылась и вернулась, и с ней было зеркало, кошель и горшок, полный зеленых растений, а в руках у нее был светильник. И первым делом она взяла в руки зеркало и, сунув его в кошель, завязала его и бросила в комнату, а затем опустила волосы на лицо и на миг приложила светильник к верхушкам растений, а после того взяла все это и ушла, заперев окно. И мое сердце разрывалось от этого и от ее скрытых знаков и тайных догадок, а она не сказала мне ни слова, и моя страсть от этого усилилась и любовь и безумие увеличились.

И я вернулся назад с плачущим оком и печальным сердцем, и вошел в свой дом, и увидел, что дочь моего дяди сидит лицом к стене. И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сердце ее горело от забот и огорчений и ревности, но любовь помешала ей сказать мне что-нибудь о своей страсти, так как она видела, что я влюблен и безумен. И я посмотрел на нее и увидел у нее на голове две повязки: одна из-за удара в лоб, а другая – на глазу, так как он стал у нее болеть от долгого плача. И она была в наихудшем состоянии и, плача, говорила такие стихи:

"Аллахом клянусь, друзья, владеть не могу я тем,

Что Лейле [179] Аллах судил, ни тем, что судил он мне.

Другому он дал ее, а мне к ней любовь послал;

Зачем не послал он мне другое, чем к Лейле страсть?"

А окончив стихи, она посмотрела и увидела меня, продолжая плакать, и тогда она вытерла слезы и поднялась ко мне, но не могла говорить, таково было ее волнение.

И она помолчала некоторое время, а потом сказала: "О сын моего дяди, расскажи мне, что выпало тебе в этот раз"; и я рассказал ей обо всем, что случилось, и тогда она воскликнула: "Терпи, пришла пора твоей близости с нею, и ты достиг исполнения твоих надежд! Тем, что она показала тебе зеркало и засунула его в кошель, она говорит тебе: когда нырнет в темноту солнце; а опустив волосы на лицо, она сказала: когда придет ночь и опустится темный мрак и покроет свет дня – приходи. А ее Знак горшком с цветами говорит: когда придешь, войди в сад за переулком; а знак свечою означает: когда войдешь в сад, жди там; и где найдешь горящий светильник, туда и отправляйся, и садись возле него, и жди меня: поистине, любовь к тебе меня убивает".

И, услышав слова дочери моего дяди, я воскликнул от чрезмерной страсти и сказал: "Сколько ты еще будешь обещать и я стану ходить к ней, не достигая цели? Я не вижу в твоём объяснении правильного смысла!"

И дочь моего дяди засмеялась и сказала: "У тебя должно остаться терпения лишь на то, чтобы вытерпеть остаток этого дня, пока день не повернет на закат и не придет ночь с ее мраком, и тогда ты насладишься единением и осуществлением надежд, и это – слова истины без лжи. – И она произнесла такое двестише:

Всех дней складки – пусть расправятся,

И в дома забот не ставь ноги.

Скольких дел нам не легко достичь,

Но за ними близок счастья миг".

И потом она подошла ко мне и стала утешать меня мягкими речами, но не осмеливалась принести мне какой-нибудь еды, боясь, что я на нее рассержусь, и не надеялась она, что я склонюсь к ней. Она только хотела подойти ко мне и снять с меня платье, а потом она сказала мне: "О сын моего дяди, сядь, я расскажу тебе что-нибудь, что займет тебя до конца дня; и если захочет Аллах великий, не придет еще ночь, как ты уже будешь подле твоей любимой".

Но я не стал смотреть на нее и принялся ждать прихода ночи и говорил: "Господи, ускорь приход ночи!" А когда пришла ночь, моя двоюродная сестра горько заплакала и дала мне зернышко чистого мускуса и сказала: "О сын моего дяди, положи это зернышко в рот [180] и когда ты встретишься со своей любимой и удовлетворишь с нею свою нужду и она разрешит тебе то, что ты желаешь, скажи ей такой стих:

О люди влюбленные, Аллахом молю сказать,

Что сделает молодец, коль сильно полюбит он?"

А потом она поцеловала меня и заставила поклясться, что я произнесу этот стих из стихотворения, только когда буду выходить от этой женщины; и я отвечал: "Слушаю и повинуюсь". И я вышел вечерней порой, и пошел, и шел до тех пор, пока не достиг сада. И я нашел его ворота открытыми, и вошел, и увидел вдали свет, и направился к нему; и, дойдя до него, я увидел большое помещение со сводом, над которым был купол из слоновой кости и черного дерева, и светильник был подвешен посреди купола. А помещение устлано было шелковыми коврами, шитыми золотом и серебром, и тут была большая горящая свеча в подсвечнике из золота, стоявшая под светильником, а посередине помещения был фонтан с разными изображениями, а рядом с фонтаном – скатерть, покрытая шелковой салфеткой, подле которой стояла большая фарфоровая кружка, полная вина, и хрустальный кубок, украшенный золотом. А возле всего этого стоял большой закрытый серебряный поднос. И я открыл его и увидел на нем всевозможные плоды: фиги, гранаты, виноград, померанцы, лимоны и апельсины; и между ними были разные цветы: розы, жасмины, мирты, шиповник и нарциссы и всякие благовонные растения.

И я обезумел при виде этого помещения и обрадовался крайней радостью, и моя забота и горесть прекратились, но только я не нашел там ни одной твари Аллаха великого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестнадцатая ночь

Когда же настала сто шестнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "И я обезумел при виде этого помещения и обрадовался крайней радостью, но только я не нашел там ни одной твари Аллаха великого и не видел ни раба, ни невольницы и никого, кто бы заботился обо всем этом или сохранял эти вещи. И я сидел в этом покое, ожидая прихода моей любимой, пока не прошел первый час ночи, и второй час, и третий – а она не приходила. И во мне усилились муки голода, так как я некоторое время не ел пищи из-за сильной любви; и когда я увидел это место и мне стало ясно, что дочь моего дяди правильно поняла знаки моей возлюбленной, я отдохнул душой и почувствовал муки голода. И возбудили во мне желание запахи кушаний, бывших на скатерти, когда я пришел в это место, и душа моя успокоилась относительно единения с любимой, и захотелось мне поесть. Я подошел к скатерти и поднял покрывало и увидел посередине ее фарфоровое блюдо с четырьмя подрумяненными курицами, облитыми пряностями, а вокруг блюда стояли четыре тарелки: одна с халвой, другая с гранатными зернышками, третья с баклавой [181] и четвертая с пышками, и на этих тарелках было и сладкое и кислое. И я поел пышек и съел кусочек мяса и, принявшись за баклаву, съел немного и ее, а потом я обратился к халве и съел ее ложку, или две, или три, или четыре, и съел немного курятины и кусок хлеба. И тогда мой живот наполнился, и суставы у меня расслабли, и я слишком размяк, чтобы не спать, и положил голову на подушку, вымыв сначала руки, и сон одолел меня, и я не знаю, что случилось со мной после этого. И я проснулся только тогда, когда меня обжег жар солнца, так как я уже несколько дней не вкушал сна; и, проснувшись, я нашел у себя на животе соль и уголь. Я встал на ноги и стряхнул одежду и повернулся направо и налево, но не увидел никого, и оказалось, что я лежал на мраморных плитах, без постели, и я смутился умом и огорчился великим огорчением, и слезы побежали у меня по щекам, и я опечалился о самом себе. И, поднявшись, я отправился домой, и когда пришел туда, то увидел, что дочь моего дяди ударяет рукой в грудь и плачет, проливая слезы и соперничая с облаками, что льют дождь, и она говорила такие стихи:

"Дует ветер из мест родных, тихо вея;

И дыханьем любовь в душе взволновал он.

Ветер с востока! Пожалуй к нам поскорее!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Всем влюбленным удел есть свой и удача.

Коль могла бы обнять тебя – обняла бы,

Как влюбленный любимой стан обнимает.

Коль не вижу я брата лик, пусть отнимет

Жизни радость совсем Аллах, и довольно.

Если бы знать мне, растаяло ль его сердце,

Как мое, от огня любви пламенея,

А увидев меня, она поспешно встала и вытерла слезы, и обратилась ко мне с мягкой речью, и сказала: "О сын моего дяди, ты охвачен любовью, и Аллах был к тебе милостив, внушив той, кого ты любишь, любовь к тебе, а я в слезах и в горе из-за разлуки с тобой. Кто меня упрекнет и кто оправдает? Но Аллах да не взыщет с тебя из-за меня!"

Потом она улыбнулась мне и, сняв с меня одежду, расправила ее и сказала: "Клянусь Аллахом, это не запах того, кто наслаждался со своею любимой! Расскажи же мне, что с тобой случилось, о сын моего дяди!" И я рассказал ей обо всем, что случилось со мною, и она второй раз улыбнулась гневной улыбкой и воскликнула: "Поистине, мое сердце полно боли! Пусть не живет тот, кто делает тебе больно! Эта женщина сильно превозносится над тобою, и, клянусь Аллахом, о сын моего дяди, я боюсь для тебя зла от нее. Знай, о сын моего дяди, объяснение соли такое: ты потонул во сне и похож на скверное кушанье, отвратительное для души, и тебя следует посолить, чтобы ты не был извергнут обратно. Ты объявляешь себя благородным влюбленным, а сон для влюбленных запрещен, и твои притязания на любовь лживы. Но и ее любовь к тебе тоже лживая, так как, увидя, что ты спишь, она не разбудила тебя; если бы ее любовь была искренна, она бы, наверное, тебя разбудила. А что до угля, то объяснение этого знака такое: очерни Аллах твое лицо, раз ты ложно объявил себя любящим; ты – молодое дитя, и у тебя только и заботы, что поесть, попить да поспать. Вот объяснение ее знаков, да освободит тебя от нее великий Аллах!"

Услышав эти слова, я ударил себя рукою в грудь и воскликнул: "Клянусь Аллахом, это и есть истина, так как я спал, а возлюбленные не спят! Я сам себе обидчик, и больше всего повредили мне сон и еда! Что теперь будет?"

И я сильно заплакал и сказал дочери моего дяди: "Укажи мне, что сделать, и пожалей меня – пожалеет тебя Аллах! – иначе я умру". А дочь моего дяди любила меня великой любовью..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семнадцатая ночь

Когда же настала сто семнадцатая ночь, она сказала:

"Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "И я сказал дочери моего дяди: "Укажи мне, что сделать, и пожалей меня пожалеет тебя Аллах!" А она любила меня великой любовью, и ответила: "На голове и на глазах! Но только, о сын моего дяди, я много раз говорила тебе: если бы я могла входить и выходить, я бы, наверное, свела тебя с нею в ближайшее время и накрыла бы вас своим подолом, и я поступаю с тобою так лишь для того, чтобы ты был доволен. Если захочет Аллах великий, я не пожалею крайних усилий, чтобы свести вас; послушай же моих слов и повинуйся моему приказу. Иди в то самое место и сиди там, а когда будет время вечера, сядь там же, где ты сидел, и остерегайся что-нибудь съесть, так как пища навлекает сон. Берегись же заснуть; она придет к тебе только после того, как минует четверть ночи, да избавит Аллах тебя от ее зла!"

Услышав эти слова, я обрадовался и стал молиться Аллаху, чтобы прошла ночь, а когда ночь прошла, я хотел уходить, и дочь моего дяди сказала мне: "Если встретишься с нею, скажи ей тот прежний стих, когда будешь уходить". И я ответил: "На голове и на глазах!" – и вышел и пошел в сад, и увидел, что помещение убрано так, как я видел в первый раз, и там было все, что нужно из кушаний, закусок и напитков, цветов и прочего. Я поднялся в это помещение и почувствовал запах кушаний, и моей душе захотелось их, и я удерживал ее несколько раз, но не мог удержать. И я встал и, подойдя к скатерти, сиял покрывало и увидел блюдо кур, вокруг которого были четыре тарелки кушаний четырех сортов. И я съел по кусочку от каждого кушанья, и съел немного халвы и кусок мяса, и выпил шафранной подливки, которая мне понравилась, и я пил ее много, черпая ложкой, пока не насытился и не наполнил себе живот. А после этого мои веки опустились, и, взяв подушку, я положил ее под голову, думая: "Может быть, я прилягу на нее и не засну". Но глаза мои сомкнулись, и я заснул и не проснулся раньше, чем взошло солнце; и я нашел у себя на животе игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка. И в помещении не было никакой подстилки или чего-либо другого, и казалось, что там ничего не было.

И я встал, стряхнул с себя все это, и вышел рассерженный, и шел, пока не дошел до дому. И я увидел, что дочь моего дяди испускает глубокие вздохи и говорит такие стихи:

"Худ я телом, и ранено мое сердце,

И струятся вдоль щек моих слез потоки,

И любимый упорен так в обвиненьях,

Но прекрасный что сделает–то прекрасно.

О сын дяди! Наполнил ты страстью сердце,

Мои очи от горьких слез заболели".

И я начал бранить дочь моего дяди и ругать ее, и она заплакала, а потом вытерла слезы и, подойдя ко мне, поцеловала меня и стала прижимать меня к груди, а я отстранялся от нее и укорял себя.

"О сын моего дяди, – сказала она мне, – ты, кажется, заснул сегодня ночью". И я отвечал ей: "Да, а проснувшись, я нашел игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка, и я не знаю, почему она так сделала". И я заплакал и, обратившись к Азизе, сказал: "Растолкуй мне, на что она указывает этими знаками, и скажи, что мне делать. Помогите мне в том, что со мной случилось!" – "На голове и на глазах! – сказала она. – Палочкой от таба, которую она положила тебе на живот, она указывает, что ты пришел, а твое сердце отсутствовало; и она как будто говорит тебе: любовь не такова, не причисляй же себя к любящим. А косточкой финика она говорит тебе: если бы ты был влюблен, твое сердце, наверно, горело бы от любви, и ты не вкушал бы сладости сна, ибо любовь сладка, как финик, и зажигает в душе уголь. Рожковым семечком она тебе указывает, что сердце любимого утомилось, и говорит тебе: терпи разлуку с нами, как терпел Иов". Когда я услышал это толкование, в моей душе вспыхнули огни и в моем сердце усилились горести, и я вскричал: "Аллах предопределил мне спать, так как у меня мало счастья! О дочь моего дяди, – сказал я потом, – заклиная тебя жизнью, придумай мне хитрость, чтобы я мог добраться до нее". И Азиза заплакала и отвечала: "О Азиз, сын моего дяди, мое сердце полно дум, и я не могу говорить. Но иди сегодня вечером в то же место и остерегайся уснуть, тогда ты достигнешь желаемого. Вот так лучше всего поступить, и конец". – "Если захочет Аллах, я не засну и сделаю так, как ты мне велишь", – сказал я; и дочь моего дяди поднялась и принесла мне пищу, говоря: "Поешь теперь вдоволь, чтобы у тебя не осталось желания". И я поел досыта, а когда пришла ночь, Азиза принесла мне великолепное платье, одела меня в него и взяла с меня клятву, что я скажу той женщине упомянутый стих, и предостерегла меня от сна. А

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

потом я вышел от дочери моего дяди и отправился в сад и пошел в помещение. Я посмотрел на сад и стал открывать себе глаза пальцами и трясти головой, а когда пришла ночь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемнадцатая ночь

Когда же настала сто восемнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: "И я вошел в сад и поднялся в помещение, и посмотрел на сад. И когда пришла ночь, я стал открывать себе глаза пальцами и трясти головой. Я проголодался оттого, что не спал; и на меня повеяло запахом кушаний, и мой голод усилился, и тогда я направился к скатерти и, сняв покрывало, съел от каждого кушанья по кусочку. Я съел кусок мяса и, подойдя к фляге с вином, сказал себе: "Выпью кубок!", и выпил, а потом выпил второй и третий, до десяти, и меня ударило воздухом, и я упал на землю, как убитый, и пролежал так, пока не настал день. И я проснулся и увидел себя вне сада, и на животе у меня был острый нож и железный дирхем. И я испугался, и взял их и принес домой, и увидел, что дочь моего дяди говорит: "Поистине, я в этом доме бедная и печальная, нет мне помощника, кроме палача!"

И, войдя, я упал во всю длину, и выронил из рук нож и дирхем, и лишился чувств; а очнувшись от обморока, я осведомил Азизу о том, что со мною произошло, и сказал ей: "Я не достиг желаемого!" И она сильно опечалилась за меня, увидев, что я плачу и мучаюсь, и сказала: "Я уже обессилела, советуя тебе не спать, ты не слушаешь моих советов. Мои слова тебе ничем не помогут". – "Заклинаю тебя Аллахом, растолкуй мне, на что указывает нож и железный дирхем!" – сказал я ей; и она отвечала: "Железным дирхемом она указывает тебе на свой правый глаз и закликает тебя им и говорит: "Клянусь господом миров и моим правым глазом, если ты вернешься другой раз и уснешь, я зарежу тебя этим ножом!" И я боюсь для тебя зла от ее коварства, о сын моего дяди, и мое сердце полно печали о тебе, но я не могу говорить. Если ты знаешь, что, вернувшись к ней, не заснешь, – возвращайся к ней и берегись сна, тогда ты получишь то, что тебе нужно; если же ты знаешь, что, вернувшись к ней, заснешь, как всегда, и после этого пойдешь к ней и вправду заснешь, – она тебя зарежет".

"А как же мне поступить, о дочь моего дяди? Прошу тебя, ради Аллаха, помоги мне сегодня ночью!" – воскликнул я, и она сказала: "На глазах и на голове! Но только если ты послушаешься моих слов и будешь повиноваться моему приказу, нужда твоя будет исполнена". – "Я слушаю твои слова и повинуюсь твоему приказу!" – воскликнул я; и она сказала: "Когда настанет время уходить, я скажу тебе". А затем она прижала меня к груди и, положив меня в постель, до тех пор растирала мне ноги, пока меня не охватила дремота, а когда я погрузился в сон, она взяла опахало, села около изголовья и обвевала мое лицо до конца дня. А под вечер она разбудила меня; и, проснувшись, я увидел, что она у моего изголовья с опахалом в руках и так плачет, что слезы промочили ей одежду, но, увидев, что я проснулся, она вытерла слезы и принесла кое-какой еды; и когда я стал отказываться, сказала мне: "Разве я не говорила тебе: "Слушайся меня и ешь". И я принялась есть, не противореча ей, и она клала мне пищу в рот, а я жевал, пока не наполнился, и потом она напоила меня отваром грудной ягоды с сахаром и, вымыв мне руки, осушила их платком и обрызгала меня розовой водой. И я сидел с ней в полном здоровье, а когда смерклось, она надела на меня одежду и сказала: "О сын моего дяди, бодрствуй всю ночь и не засыпай; она придет к тебе сегодня только в конце ночи, и если захочет Аллах, ты сегодня ночью встретишься с нею. Но не забудь моего наставления". И она заплакала, и моему сердцу стало больно за нее, что она так много плачет. "Какое же это наставление?" – спросил я; и она сказала: "Когда будешь уходить от нее, скажи ей стих, который я раньше говорила"" И я ушел от нее радостный, и отправился в сад, и вошел в помещение сытый, и сел, и бодрствовал до четверти ночи. А затем ночь показалась мне длинной, как год, и я сидел, бодрствуя, пока не прошло три четверти ночи и закричали петухи, и я почувствовал сильный голод из-за долгого бдения. И я подошел к столику и ел, пока не насытился, и голова моя отяжелела, и я захотел заснуть, но вдруг увидел свет, который приближался издали. Тогда я встал, вымыл руки и рот и разбудил свою душу, и через малое время вдруг та женщина приходит с десятью девушками, и она между ними – как луна между звезд. На ней было платье из зеленого атласа, вышитое червонным золотом, и она была такова, как сказал поэт:

Кичится с любимыми, одета в зеленое,

Застежки расстегнуты и кудри распущены.

"Как имя?" – я ей сказал; она мне ответила:

"Я та, что всех любящих сердца приггла углями". И стал я ей сетовать на то, что терпел в любви.

Она ж: "Не знаешь ты, что камню ты плачешься?"

"Пусть камень – душа твоя, – в ответ я сказал тогда,

Заставил ведь течь Аллах из камня воды поток".

И, увидев меня, она засмеялась и воскликнула: "Как это ты не заснул и сон не одолел тебя? Раз ты бодрствовал всю ночь, я знаю, что ты – влюбленный, так как примета любящих – не спать ночью в борьбе со страстями".

Затем она обратилась к невольницам и подмигнула им, и те удалились; а она подошла ко мне, и прижала меня к груди и поцеловала меня, а я поцеловал ее, – и это была ночь радости для сердца и прохлады для взора, как сказал о ней поэт:

Век приятнее я не знал ночей, чем такая ночь,

Когда кубок мой не стоял совсем без дела.

Различил я сон и глаза мои в эту ночь совсем,

По браслет ножной я с серьгой свел надолго.

И мы легли вместе и проспали до утра, и тогда я хотел уйти, но он вдруг схватила меня и сказала: "По стой, я тебе что то скажу..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.